

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. Ш. ШИФМАН

АЛЕКСАНДР
МАКЕДОНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

ББК 63.3
Ш65

ВВЕДЕНИЕ

Ответственный редактор
проф. И. Р. Тантлевский

Шифман И. Ш.

Ш65 Александр Македонский. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та,
2007. — 213 с.

ISBN 978-5-288-04371-0

В книге рассказывается о жизненном пути Александра Македонского — человека, чье политическое творчество ознаменовало наступление эпохи эллинизма.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

ББК 63.3

Человек, о стремительной жизни которого будет рассказано на страницах этой книги, производил исключительно сильное, неизгладимое впечатление не только на своих современников. Еще и в наши дни вызывают изумление его гигантская энергия, страсть, которую он вкладывал во все свои деяния, его настойчивость в преодолении, казалось бы, неодолимых трудностей, дерзость замыслов и достигнутые им поистине ошеломляющие результаты. Македонский царь Александр III умер, не достигнув 33 лет, процарствовав 12 лет и 8 месяцев, находясь на вершине могущества, будучи владыкой огромного государства, простиравшегося от Адриатического моря до Инда, от северных рубежей Македонии и Фракии до верховьев Нила, от пустынь Средней Азии до Индийского океана, подготавливая грандиозный поход вокруг Аравийского полуострова и к выходам в Атлантический океан. Нужды нет, что созданная им держава не пережила своего создателя и была буквально разодрана на клочки его хищными сподвижниками и их потомками. Под водительством Александра небольшая греко-македонская армия разрушила громадное Персидское государство, добралась до его самых отдаленных окраин, в таинственную Среднюю Азию, в загадочную Индию.

Александр представляется человеком, который с наибольшей полнотой воплотил в себе греческий идеал «хорошего и прекрасного» — мужественного воина, овладевшего вершинами человеческой мысли. Непобедимый полководец, мудрый государственный деятель, мечтавший о слиянии всех народов в единую семью [Плутарх, О судьбе, 1, 6], Александр выступает в роли своего рода культурного героя: он приучил гирканцев к браку и преподавал им земледелие; убедил арахосиев и согдийцев кормить родителей и не убивать их в старости, а персов — чтить матерей и не вступать с ними в брак [там же, 1, 5]. Другое дело, что возможности Александра выражались в уродливых формах завоевательного подхода, что, утверждая свою власть, он беспощадно расправлялся со всеми возможными противниками, реальными или воображаемыми, а установленное им «равенство» и «братство» народов было в

© Издательство С.-Петербургского университета, 2007

ISBN 978-5-288-04371-0

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

действительности равенством угнетаемых и обираемых подданных, высоко над которыми вознесся верховный властелин — земной бог и сын бога. Эта сторона деятельности Александра также не могла ускользнуть от внимания современников и потомков.

Уже античная древность знала, а средневековая книжность сохранила до наших дней сочинения о жизни и походах Александра, исследования, посвященные его поразительной судьбе. Александр рано стал действующим лицом народных преданий, составивших в конце концов цикл романов и поэм об Александре Македонском — Искандере Двурогом, широко распространенных в Европе и на Востоке. Как бы ни удалялись данные повествования от конкретно-исторической действительности, они говорят о масштабах личности этого и в самом деле необыкновенного человека.

Александр Македонский привлекает к себе внимание уже многих поколений историков древности. В книгах и статьях о нем можно найти и твердо устоявшиеся концепции, освященные именами крупнейших антиковедов. Много было и споров по общим и частным проблемам, и далеко не всегда из-за скудости и неясности источников удавалось прийти к надежным, твердо обоснованным выводам. По-разному относятся исследователи и к самому Александру: большинству свойственны восторженно-апологетические суждения, но не редкость и отрицательное отношение. На оценку личности и деяний Александра оказывают свое влияние и далекие от науки националистические соображения, и попытки противопоставить материалистическому пониманию исторического процесса взгляды Т. Карлейля и его последователей на роль «героев» в жизни человечества, а в ряде случаев и монархические воззрения историков.

Все сказанное оправдывает попытку еще раз предложить вниманию читателей биографию Александра Македонского, попытку отделить достоверный материал от более или менее произвольных гипотез. По убеждению автора, только такой подход позволит представить себе Александра и его время, влияние эпохи на Александра и — его на эпоху во всей их сложности и внутренней противоречивости.

Вопрос о происхождении древних македонян, о том, на каком языке они говорили и к какой этнической общности принадлежали, пока еще не может считаться решенным. Сам по себе этноним Μακεδόν греческий, близкий к прилагательному μακεδνός — «высокий», «рослый», однако неясно, является ли он самоназванием или же возник в чуждой среде. Основную массу населения Македонии составляли, по всей вероятности, племена, говорившие на одном из палеобалканских языков, испытывавшем мощное греческое влияние. В любом случае существенно, что македоняне всегда отличали свой природный язык от греческого и никогда не ощущали себя греками в полном смысле слова.

Основным занятием македонян были земледелие и скотоводство; с V в. (здесь и далее — даты до нашей эры) постепенно разворачивается торговля с греческими полисами, но она долго не играла заметной роли в жизни страны.

Политическая структура общества характеризовалась сохранением родоплеменного строя и господством родоплеменной аристократии — богатейших землевладельцев [Фрагм. греч. ист., V, 320—321, № 249], среди которых царь — и с этим придется столкнуться еще Александру III — был только первым среди равных. В жизни македонского общества значительную роль играло народное собрание — собрание вооруженных воинов; в его функции входили избрание царя путем аккламации (выкликания), суд, вынесение и приведение в исполнение смертных приговоров [Арриан, 3, 26, 4; 4, 14, 15; Руф, 6, 11, 38; 6, 8, 25]. Знать составляла царскую дружину (*гетайры* — «сотоварищи»); систематически устраивавшиеся для дружины пиршества были той аудиторией, где дружинники высказывали царю свои требования. Но даже и в этих рамках власть македонских царей простиралась не на всю Македонию. Еще во вре-

мена Пелопоннесской войны фактически сохраняли независимость племени горной Македонии; в Орестиде правил местный царь Антиох [Фукидид, 2, 80, 6], а в Линкестиде — Аррибей, которого безуспешно пытался подчинить себе Пердикка II [там же, 4, 79, 2—3; Страбон, 7, 7, 8]. В Элимаиде тоже сидели независимые правители [Фукидид, 2, 99, 2; Ксенофонт, Греч. ист., 5, 2, 38].

Македонские цари (собственно цари Нижней Македонии) стремились к укреплению своей власти, к покорению всей Македонии. Такая политика была направлена прежде всего против самостоятельности македонских племен. Строительство укреплений и дорог способствовало достижению этой цели. Важный политический акт — уничтожение в царствование Александра I выпуска монет с названиями македонских племен и переход к чеканке денег от царского имени. Тем самым было подчеркнуто, что в стране имеется только один носитель верховной власти — царь.

Другое направление все той же политики — эллинизация Македонии, которую с поразительным упорством вели македонские цари. Уже с VI в. они участвовали в греческой политической жизни. Александр I добился допуска к Олимпийским играм и, следовательно, признания себя эллином [Геродот, 5, 22]; он приглашал к своему двору Пиндара [Пиндар, фрагм. 120—121].

При дворе Пердикки II помимо изгнанников из Евбеи и Халкиды находились поэт Меланид (сочинитель дифирамбов) и Гиппократ. Среди приближенных Архелая были известные драматурги Еврипид (в Македонии он написал трагедии «Архелай», «Вакханки», «Ифигения в Авлиде») и Агафон, художник Зевксид, поэты Хэрия и Павсаний, кифарист Тимофей, великий историк Фукидид. Приглашал к себе Архелай и таких людей как Платон и Сократ. Архелай устраивал в г. Дибне и игры по греческому образцу: с музыкальными состязаниями и драматическими представлениями.

Усвоение греческой цивилизации должно было повлечь за собой и распространение греческих общественно-политических концепций, в том числе теории идеальной монархии, которую пропагандировала трагедия Еврипида «Архелай».

И уж, конечно, самым подходящим претендентом на роль идеального монарха оказывался македонский царь.

То решающее значение, которое приблизительно с середины IV в. Македония стала иметь в общественно-политической жизни Балканской Греции, было подготовлено ситуацией, сложившейся в греческом обществе. В научно-исследовательской литературе ее принято именовать кризисом полиса. Сама по себе система полисов продолжала сохраняться в эллинском мире и после IV в.; она весьма энергично и успешно насаждалась греко-македонскими колонистами на Ближнем Востоке в конце IV—III в. при активной поддержке самого Александра Македонского и его ближайших преемников. По сути своей полис представлял собой суверенный (иногда — ограниченно суверенный) коллектив граждан, осуществлявший власть над более или менее обширной территорией за городской стеной и управляемый советом, народным собранием (впрочем, народное собрание функционировало не везде и не всегда) и магистратами в соответствии с местными законами и обычаями. Экономическую основу полиса составляло земледелие, причем уже прочно укоренилась частная собственность граждан на землю. Развито было и ремесленное производство. Социальная структура полиса определялась эксплуатацией труда рабов и (по крайней мере периодически) свободных наемных работников. Из массы свободных постоянно выделялись богачи и бедняки. Еще существовали полисные владения, доходы от которых распределялись между гражданами; еще существовало представление об обязанности богачей предоставлять свое имущество для удовлетворения нужд государства. Кризис общественных отношений в греческих полисах IV в. создал почву для постепенного выдвижения македонского царя и его превращения в гегемона всего эллинского мира.

Основу кризисных явлений составляли массовое разорение свободного крестьянства и сосредоточение в руках относительно немногочисленной группы людей, принадлежавших в большинстве к аристократическим кругам, значительных богатств, и прежде всего земель. В сфере ре-

месленного производства появляются крупные мастерские, в которых были заняты десятки рабов. Рабовладение вообще приняло огромные масштабы. Согласно переписи, произведенной Деметрием Фалерским [Афиной, 6, 103], в Афинах в 312 г. были учтены 21 тыс. граждан, 10 тыс. метеков (неграждан), а также 400 тыс. рабов. Особо следует отметить участие вольноотпущенников и метеков в сельскохозяйственном производстве (путем аренды частновладельческих земель), а также в ремесле и государственном строительстве.

На этой почве в среде граждан происходило резкое социальное размежевание. На одном полюсе концентрировалась сравнительно немногочисленная верхушка — богачи, владевшие состоянием в 30, 50, 70 и более талантов; на другом — беднота, лишенная возможности свести концы с концами [Исократ, 7, 83 и др.].

Выход из тяжелой нужды мог быть найден в сфере наемного труда. Однако этому препятствовали и распространение рабского труда, и представление о работе по найму и вообще о ремесле как о пределе социальной деградации, и чрезвычайно низкая оплата, едва обеспечивавшая прожиточный минимум. Другой путь — уход в наемные солдаты — давал, несмотря на то, что жалованье солдат было небольшим, и положение в обществе, и перспективу получить определенную долю добычи, а в случае удачи — сделать карьеру, пробиться в командный корпус и к власти. Наемных солдат появилось в Греции очень много; нанимались греки служить и к персам. Оставался еще один путь — жить за счет государства, получая плату за участие в народном собрании, в судебных разбирательствах, деньги на посещение театра и т. п. Однако в этом случае человеку могло быть обеспечено в лучшем случае полуголодное существование.

Все названные обстоятельства привели к резкому обострению социальных противоречий в греческих полисах. Среди бедноты широкое распространение получили требования перераспределения собственности — передела земли и отмены долговых обязательств [ср.: Платон, Госуд., 8, 16—17; Законы, 3, 6]. Характерными для эпохи явлениями (в частности, в Афинах) стали увеличение, по прямому настоянию

бедноты, всякого рода поборов с богачей и конфискация их имущества, часто по лживым доносам. То тут, то там вспыхивали волнения, организовывались заговоры, шли уличные бои.

Следствием всего этого был кризис внутригосударственных связей. Если раньше ведущую роль в экономической и политической жизни города играли граждане, то теперь все более активно в ней участвуют и неграждане — метеки, вольноотпущенники. Полисная организация не обеспечивала экономической стабильности подавляющему большинству граждан, и это влекло за собой ослабление чувства полисного патриотизма. Если раньше граждане считали своим патриотическим долгом выполнять всякого рода полисные повинности (литургии), то теперь богачи стремились уклониться от этой обязанности, не желая тратить свое добро на прокорм огромной армии дармоедов. Если раньше люди ставили себя и свое имущество, свою жизнь на службу родному полису, то теперь они начали действовать главным образом во имя своих чисто личных интересов. В первой половине IV в. значительно более интенсивной, чем прежде, стала греческая торговля, в том числе со странами Ближнего Востока. В результате экономические интересы крупных предпринимателей, торговцев и владельцев ремесленных мастерских, работавших на международный рынок, выходили за рамки полиса и, что самое существенное, полис своими силами уже не мог обеспечить ни безопасность на торговых путях, ни возможность спокойно наживать и тратить деньги. Положение было особенно тяжелым еще и потому, что греческий мир более ста лет раздирали опустошительные войны.

На этой основе в греческих обществах появляется тенденция к созданию диктаторского режима личной власти, возрождается тирания и становится важным фактором политической жизни. На данной почве в Греции развивается и стремление к созданию политического единства под властью могущественного общегреческого правителя, возникают политические учения, дававшие идейно-теоретическое обоснование развитию событий.

Такая теория государства была создана, в частности, Аристотелем. Он разделил все известные ему формы госу-

дарства на правильные, т. е. способствующие достижению «общего блага», и неправильные. К числу правильных философ отнес монархию, аристократию и политику; к числу неправильных — тиранию, олигархию и демократию. Отличие одних форм от других заключается, по мысли Аристотеля, в том, что в первом случае у власти в государстве стоят «лучшие», заботящиеся о благе общества, тогда как во втором — правители, думающие только о собственной выгоде. Наиболее приемлемой и практически осуществимой в условиях греческих полисов Аристотель считал политику — господство средних слоев общества, чуждое «крайностей» демократии и осуществляющее в интересах всех слоев общества волю большинства граждан. Создания такой системы и ее распространения в Греции Аристотель ожидал от «единственного мужа», облеченного необходимой властью, — Александра.

Политическим идеалом демократически настроенных мыслителей IV в. (а наиболее ярким из них был, конечно, Демосфен) оставался государственный строй перикловых Афин [ср.: Плутарх, Демосфен, 9, 20] — система, когда власть принадлежала сообществу равных между собой граждан [ср.: Демосфен, 3, 30], когда жизнь государства определялась и регулировалась законом, обязательным для всех [там же, 24, 16]. Демократы призывали к борьбе против олигархии и против тех, кто пытался ее установить [там же, 15, 19—20], а также против тирании, поскольку «каждый царь и тиран — враг свободы и законов противник» [там же, 6, 25]. Афины, по мысли Демосфена, являлись оплотом демократии и потому естественным противником македонского царя Филиппа II, стремящегося установить свою единоличную власть. Выход из тупика, в котором находился греческий мир, демократы видели в экспансии, в том, чтобы массы обездоленных были отправлены за пределы Греции и там устроены на жительство. Идеологическим обоснованием экспансии служило, прежде всего, ходячее представление о варварах (негреках) как о людях, самой природой предназначенных для рабского служения грекам. Аристотель [Плутарх, О судьбе, 1, 6] советовал Александру вести себя по отношению к грекам как военный вождь, по отношению к

варварам — как неограниченный владыка, о греках заботиться как о друзьях и родственниках, а варварами пользоваться как животными или растениями. Уже во время похода Александра на Восток Аристотель предлагал (в «Политике») создавать города, в которых власть и собственнические права принадлежали бы воинам, а работали бы на них земледельцы-рабы, т. е. в условиях греко-македонской колонизации Востока — варвары-туземцы. Эта программа основывалась на опыте эксплуатации илотов в Спарте, пенестов в Фессалии и им подобных.

Имелось и другое обстоятельство: воспоминание о персидском нашествии. Проповедь единения греческого мира и экспансии выливалась в проповедь похода против персов с целью отмщения за осквернение и сожжение ими афинских храмов во время Греко-персидских войн. Идея мести варварам за то, что претерпела Эллада, была официальным идеологическим обоснованием I Афинского союза [Фукидид, 1, 96, 1]. О необходимости объединения Греции для похода против персов говорил Горгий в своей Олимпийской речи, произнесенной в 392 г. К этому же четыре года спустя, в 388 г., тоже в Олимпийской речи призывал Лисий [33, 6]. С подобными намерениями носился и фессалийский правитель Ясон из Фер.

В особенности ярко эти мысли были сформулированы Исократом. В Панафинейской речи он говорил, проецируя в прошлое свои предложения: «А когда желающих этого (избежать плохого устройства общества. — *И. Ш.*) и поддающихся убеждению стало много, они (предки афинян. — *И. Ш.*) составили из них войско, покорили как тех из варваров, которые владели островами, так и тех, которые жили на побережье обоих материков, и, изгнав всех, поселили там тех из эллинов, которые больше всего нуждались в средствах к жизни. И они это делали, и продолжали показывать пример другим, пока не услышали, что спартанцы, поселившиеся в городах Пелопоннеса, как я сказал, подчинили их (колонистов. — *И. Ш.*) себе; после этого они должны были обратить внимание на свои собственные дела. Что же произошло хорошего от войны из-за вывода колоний и от этих

деяний? Ведь это, я думаю, многие больше всего хотят услышать. Эллины, удалившие такое множество столь скверных людей, стали богаче средствами к жизни и более единодушными; варвары были прогнаны из их владений и стали менее высокомерными, чем прежде» [Исократ, Панаф. 166—167]. В «Панегирике» Исократ не прибегает к обвинениям и аргументам из эпического прошлого. Продемонстрировав безмерную слабость Персидской державы, он заявляет: «Известно, что и царь властвует не потому, что азиатские народы этого желают, а потому, что он собрал вокруг себя войско более сильное, чем у каждого из них; если мы переправим туда войско еще более сильное, чем это (а при желании мы бы легко его собрали), мы сможем безопасно собирать дань со всей Азии. Гораздо лучше воевать с ним за царство, чем между собой бороться из-за гегемонии. Хорошо бы совершить этот поход еще при нынешнем поколении, чтобы те, кто вместе переживали беды, насладились бы и благами и не прожили бы жизнь в несчастьях» [Исократ, Панег., 166—167].

Поначалу Исократ думал, что организацию такого похода могли бы взять на себя Афины и Спарта. Однако они уже были неспособны выполнить эту задачу, хотя еще и пытались играть роль великих держав в греческом мире. Надеялся Исократ и на Ясона, но Ясон погиб, едва приступив к осуществлению своих замыслов. Обращался Исократ со своими призывами и к сиракузскому тирану Дионисию I, однако тот был слишком занят сицилийскими делами, борьбой с Карфагеном. В конце концов Македония предстала перед Исократом как единственная сила, могущая объединить эллинов для похода на Восток; ее царь Филипп II казался естественным предводителем такого похода. В своей речи «Филипп», написанной около 346 г., Исократ обращается к македонскому царю с призывом сплотить греческие государства: «Вот я и говорю, что тебе нужно и из своего ничем не пренебречь, и попытаться примирить города аргивян и лакедемонян, и фиванцев, и наш. Если ты сможешь это устроить, тебе не трудно будет и других привести к единодушию... Если бы ты четыре только города убедил быть бла-

гомысленными, ты и другие города избавил бы от бедствий» [30—31]. Значительный интерес представляет еще один отрывок, где ясно показано, какое место, по мнению Исократа, Филипп должен занимать в эллинском мире: «Прилично другим, тем, кто был прогнан Гераклом, и тем, кто опутан государством и законами, любить тот город, в котором им привелось жить; тебе же, словно ставшему свободным, — всю Элладу считать отечеством, подобно тому, кто породил вас (Гераклу. — *И. Ш.*)» [там же, 127]. Иначе говоря, Филипп должен быть общеэллинским властителем и, следовательно, стоять не только выше полисных пристрастий и предрассудков, но и выше государства и закона вообще. В конечном счете Исократ провозглашает право македонского царя на лишенный элементарных признаков законности деспотизм и произвол, которые греки справедливо считали характернейшими признаками тирании и которые вызывали протесты демократических кругов.

Идеи, которые проповедовал Исократ, восходят в конечном счете к воззрениям младших софистов конца V в., считавших, что закон ограничивает естественную природу человека, что он создан для порабощения сильных, что справедливость — это польза сильнейших, что последние по рождению имеют право на большую и лучшую долю сравнительно с остальными людьми, слабейшими и худшими. Эти концепции, идеологически обосновывавшие право сильного на власть, теперь применяются к Филиппу II; они должны создать идеологическое обрамление его общегреческой надполисной власти. Программу, изложенную Исократом, Филипп и (после его смерти) Александр исполнили в точности.

Объектом греческой экспансии на Востоке должна была стать Персидская держава. Это громоздкое военно-административное образование, возникшее во второй половине VI в. на развалинах Мидийского и Нововавилонского царств, занимало территорию современного Ирана и ряда соседних областей, Средней Азии, Индии, Месопотамии, Малой Азии, Переднеазиатского Средиземноморья и Египта. Претендовали персидские цари и на господство в Балканской Греции;

они совершили туда в первой половине V в. несколько походов, однако натолкнулись на упорное сопротивление коалиции греческих полисов, возглавлявшихся Афинами и Спартой, потерпели серьезные неудачи и были вынуждены удалиться из Европы.

Персидская держава Ахеменидов (по правящей в ней династии) была конгломератом многочисленных племен и народностей, говоривших на разных языках, живших своей жизнью и сохранявших свои организацию и управление. Фактически единственным связующим началом для всей огромной державы была верховная власть персидского царя — «господина царей», как он официально именовался.

Конечно, для возникновения такого государства должны были существовать свои предпосылки; не случайно подобные государства, охватывавшие приблизительно одну и ту же территорию, возникают на Ближнем Востоке и сменяют друг друга уже со II тысячелетия. Помимо стремления отдельных правителей подчинить себе возможно большую территорию с целью ограбления такой предпосылкой было развитие торговых связей между отдельными обществами. Гарантом порядка, насколько он был осуществим, мог являться только верховный царь, располагавший силой, чтобы подчинять себе других. Однако господство натурального хозяйства делало эти торговые связи слишком слабыми, недостаточными для придания прочности объединению.

Ахемениды пытались создать систему централизованного управления государством. Вся держава была разделена на наместничества (сатрапии), каждое из которых управлялось наместником (сатрапом), пользовавшимся всей полнотой военно-административной власти. Сатрап должен был заботиться об исправном поступлении налогов в царскую казну, чинить суд и расправу. Налоги в пользу царя платило все население Ближнего Востока, кроме персов, составлявших привилегированную верхушку. Сатрапам подчинялись местные цари и правители.

Однако в конце V—IV в. ахеменидская административная организация обнаружила полную неспособность справиться с центробежными силами, раздиравшими государст-

во. Сатрапы постепенно превращались в фактически самостоятельных правителей, враждовавших и даже воевавших между собой. Отдельные общества и властители выходили из-под контроля верховной администрации. Сам царь становился игрушкой в руках придворных клевретов. В 401 г. царевич Кир Младший, правитель всех малоазиатских сатрапий, предпринял во главе армии наемников поход в Месопотамию, чтобы отнять власть у своего брата Артаксеркса II. На всем пути он не встретил сопротивления; в 90 км от Вавилона в битве при Кунаксе (3 сентября 401 г.) войска Артаксеркса были разбиты, однако в бою погиб и сам Кир Младший. Солдаты последнего, кроме 10 тыс. наемников-греков, перешли на сторону Артаксеркса. Греки, не подчинившиеся ему, окруженные со всех сторон врагами, пробившись на родину. Их поход («поход десяти тысяч») показал, что любая сколько-нибудь организованная военная сила имеет реальные шансы на успех в борьбе против персидских царей. В начале IV в. персы потеряли Египет и подчинили его снова только в 342 г. Утратили они и свои владения в Индии; племена и народности Средней Азии фактически обрели политическую самостоятельность, непрерывные восстания происходили в Сирии, Финикии, Малой Азии, на Кипре. В 358—338 гг. Артаксеркс III должен был усмирять одно за другим волнения в разных частях своего государства. Убитый евнухом Багоем, он был заменен Оарсом, однако последний в 336 г. был также убит вместе со своей семьей. Царем Ахеменидской державы стал Дарий III Кодоманн (336—330), которому суждено было принять удар Александра Македонского.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ.....	7
Глава II. НАЧАЛО ПУТИ.....	18
Глава III. ЗАВОЕВАНИЕ МАЛОЙ АЗИИ.....	34
Глава IV. ОТ ИССА ДО ГАВГАМЕЛ.....	71
Глава V. ЗАВЕРШЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ПОХОДА.....	109
Глава VI. ПОХОД В СРЕДНЮЮ АЗИЮ И ИНДИЮ.....	124
Глава VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК.....	172
Глава VIII. ЦАРЬ АЗИАТСКИЙ, ЦАРЬ МАКЕДОНСКИЙ, ВЛАДЫКА ГРЕЧЕСКИЙ.....	185
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	205
ЛИТЕРАТУРА.....	208
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	209

Научное издание

Илья Шолеймович Шифман

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Ответственный редактор
проф. *И. Р. Тантлевский*

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор
Т. Н. Пескова

Макет *Н. М. Кузнецовой*
Обложка *Е. А. Соловьевой*

Подписано в печать 30.07.2007. Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л 11,34 + 0,84 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ № **389**.

Издательство СПбГУ.
199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21.
Тел. (812) 328 9617; факс (812) 328 4422
editor@unipress.ru; www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21, к. 21.
Тел. (812) 328 7763; (812) 325 3176
post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41